

Л. А. Пименова
МГУ имени М. В. Ломоносова
Москва

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В ГУЩЕ ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ (О КНИГЕ Т. ТЭКЕТТА)

Эссе посвящено новейшей работе известного американского исследователя Французской революции XVIII в. Тимоти Тэкетта. Историк продолжает изучать, как менялись взгляды и поведение людей под влиянием революционных событий, – то, что он ранее исследовал на примере деятельности депутатов Учредительного собрания. Новая монография – это микроисторическое исследование, основанное на хранящихся в архиве департамента Эндр 1080 письмах, отправленных из Парижа в провинцию в 1778–1795 гг. стряпчим А.-Ж. Кольсоном. Книга содержит богатую информацию о повседневной жизни Парижа 1780-х-1790-х гг. и выявляет радикальную идейную трансформацию автора писем, встретившего начало революции пожилым человеком. Преданный королю и монархии, далекий от идей Просвещения в 1789 г., он в 1792–1793 гг. стал сторонником М. Робеспьера и монтаньяров. Материал книги позволяет последовательно проследить эту смену приоритетов под воздействием событий, общения с окружающими, чтения газет и памфлетов, страхов перед «контрреволюционным заговором», попыток переосмыслить происходящее как возврат к первоначальному христианству. Индивидуальный казус дает основания для размышлений об общих тенденциях динамики коллективных представлений во Франции конца XVIII в.

Ключевые слова: биография, история повседневности, микроистория, Париж XVIII в., Французская революция XVIII в., человек в истории, эпистолярные источники

Цитирование: *Пименова Л. А.* Маленький человек в гуще великих событий (о книге Т. Тэкетта) <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-408-420> // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 408-420.

Поступила в редакцию: 21.01.2024

Принята к печати: 22.04.2024

Liudmila A. PimenovaMoscow State Lomonosov University
Moscow**AN ORDINARY MAN IN THE MIDST OF GREAT EVENTS
(ON THE BOOK BY T. TACKETT)**

The essay is devoted to the new book by Timothy Tackett, the well-known American researcher of the French Revolution. The historian continues the study of changes in human views and behavior under the influence of revolutionary events, which he began earlier using the example of deputies of the French National Assembly. The new monograph is a micro-historical study based on 1080 letters stored in the archives of the Indre department, sent from Paris to the province in 1778-1795 by a lawyer A.-J. Colson. The book contains a lot of information about everyday life in Paris in the 1780s and 1790s, and reveals the radical ideological transformation of Colson, who was an elderly man at the beginning of the revolution. Devoted to the king and the monarchy, far from the ideas of the Enlightenment in 1789, he became a supporter of M. Robespierre and the Montagnards in 1792-1793. The material of the book allows us to trace this change under the influence of events, communication with neighbors, reading newspapers and pamphlets, fears of a «counter-revolutionary conspiracy», and attempts to rethink these events as a return to original Christianity. This individual case invites for reflection on the general trends in the dynamics of collective representations in France at the end of the 18th century.

Keywords: biography, epistolary sources, French Revolution, history of everyday life, man in history, microhistory, Paris of the 18th century

Citation: Pimenova, L., (2024). Malen'kiĭ chelovek v gushche velikikh sobytiĭ (o knige T. Tacketta) [An Ordinary Man in the Midst of Great Events (On the book by T. Tackett)]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-408-420>. *Annual of French Studies*, 2024, vol. 57, p. 408-420.

Известного американского исследователя истории Французской революции XVIII в. Тимоти Тэкетта давно занимала проблема, как мирные обыватели становятся пламенными революционерами¹.

¹ Об этом он размышлял в одной из своих монографий, изучая биографии и политическую деятельность депутатов Учредительного собрания: *Tackett T. Becoming a Revolutionary: The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)*. Princeton, 1996.

Герой его новой книги «Слава и скорбь: парижанин и его мир во время Французской революции»² – скромный парижский стряпчий Адриен-Жозеф Кольсон. Интеллектуальный поворот, совершенный этим человеком за короткое время, кажется невероятным. Принято считать, что революции делают молодые. Кольсону в самом начале революционных событий было уже 62 года. В таком возрасте люди редко меняют свои убеждения. Но у Кольсона за короткий срок политические взгляды претерпели радикальную трансформацию. Этот пожилой человек не только принял революцию, разрушившую привычный ему мир, но и стал ее активным участником. Из доброго католика, беззаветно преданного своему королю, он превратился в сторонника М. Робеспьера и монтаньяров.

Внутренний мир Кольсона и окружавшую его повседневную жизнь Парижа революционных лет стало возможным воссоздать благодаря отлично сохранившимся свидетельствам – его обширной переписке с другом, Роком Лемэгром, жившим в это время в центральной Франции, в провинции Берри. В архиве департамента Эндр хранится более тысячи писем, отправленных Кольсоном из Парижа в провинцию с декабря 1778 по апрель 1795 г. Эти письма и легли в основу монографии, написанной в традициях микроистории. В фокусе внимания автора находится жизнь одного человека, а за ней перед читателем встает целый беспокойный мир Парижа конца XVIII в.: его повседневные заботы, страхи, смена умонастроений. Сопровождающие текст карты и рисунки XVIII в., запечатлевшие облик парижских кварталов того времени, дают возможность читателю наглядно представить себе окружающую среду, в которой проходила жизнь парижского стряпчего.

Главная интрига книги – удивительная эволюция взглядов ее героя. Чтобы ее понять, автор прослеживает его жизненный путь. Кольсон родился в 1727 г. в семье ремесленника-кожевника в маленьком городке Варенн-ан-Аргонн на востоке Франции, получившем широкую известность летом 1791 г., когда там задержали королевскую семью после неудавшейся попытки бегства из революционного Парижа. Скромное происхождение Кольсона было нетипичным для судейской среды того времени. Общество Старого порядка отличалось высокой степенью наследственности социо-профессионального статуса, и изучение права обычно

² *Tackett T. The Glory and the Sorrow: A Parisian and His World in the Age of the French Revolution. N.-Y., 2021.*

становилось уделом сыновей юристов³. Социальному возвышению Адриена-Жозефа способствовало то печальное обстоятельство, что из девяти братьев и сестер ему одному довелось выжить и стать единственным наследником своих родителей. Доходы от сдачи в аренду дома в Варенне и расположенных поблизости земельных участков позволили ему перебраться в столицу.

В Париж Кольсон приехал в возрасте 23 лет. Судейскому ремеслу он обучался на практике, работая клерком в конторах юристов и посещая заседания Парижского парламента и городского суда Шатле. Чтобы получить диплом, он в 1755 г. поступил на юридический факультет университета в Реймсе, откуда вышел через два года со степенью лиценциата права, открывавшей перед ним возможность работать адвокатом.

Вернувшись после учебы в Париж, Кольсон поселился в небольшой квартирке⁴ в густонаселенном и довольно бедном квартале на правом берегу Сены, напротив острова Сите, на не сохранившейся после перестроек XIX в. улице дез Арси в доме свечных дел мастера⁵. Это место было не совсем обычным для человека его профессии: принадлежавший к образованному меньшинству, он долгие годы прожил в одном из простонародных кварталов Парижа. По сведениям из писем автор монографии воссоздает скромную обстановку жилища своего героя. Правда, при всем аскетизме внутреннего убранства, в квартире Кольсона имелось не менее пяти зеркал. Очевидно, стряпчий, которому постоянно приходилось обращаться в разные судебные и административные инстанции по делам своих поручителей, хорошо понимал, что встречают по одежке, и придавал большое значение своему внешнему виду. Как явствует из его переписки, он то и дело встречался с магистратами Парижского парламента, Шатле и даже ездил в Версаль⁶.

У Кольсона была домашняя библиотека, хотя и небольшая для человека его профессии: согласно посмертной описи имущества, 150 томов в основном юридической литературы, а также несколько книг по истории, сочинений древнеримских классиков на ла-

³ Bell D. A. *Lawyers and Citizens. The Making of a Political Elite in Old Regime France*. N.-Y., 1994. P. 21–40.

⁴ Кольсон занимал квартиру из трех комнат, что, как отмечает автор, представляло собой очень скромное жилище для парижского адвоката XVIII в. Обычно их квартиры состояли из четырех – шести комнат.

⁵ На основе документов 1770–1790-х гг. автор составил карту, реконструирующую квартал вокруг дома Кольсона на улице дез Арси (*Tackett T. The Glory and the Sorrow*. P. 22).

⁶ *Tackett T. The Glory and the Sorrow*. P. 39.

тыни и сборников проповедей католических богословов XVII–XVIII вв.⁷ Примечательно, что в его библиотеке не нашлось места популярным в то время романам, описаниям путешествий, современной научной и философской литературе. Не сообщал он о подобных книгах и в своих письмах, ни разу не упоминая в них имен Монтескьё, Вольтера, Дидро или Руссо, так что нельзя сказать, читал ли он что-либо из сочинений французских просветителей⁸. Получается, что по своим духовным запросам и пристрастиям Кольсон был ближе к классической культуре XVII в., чем к новым веяниям века Просвещения. Но его круг чтения не ограничивался книгами из домашней библиотеки: в переписке он часто упоминал газеты, из которых получал информацию о происходившем во Франции и за ее пределами.

После получения диплома Кольсону удалось быстро обеспечить себя работой. Он приехал в столицу в благоприятный момент, примерно за 15–20 лет до широкого распространения образования и перепроизводства дипломированных интеллектуалов⁹. С конца 1750-х гг. Адриен-Жозеф начал получать ежегодное жалование за юридические услуги от семьи маркиза де Лонгоне, фактически исполняя обязанности их управляющего. Лонгоне принадлежали к древнему роду, который вел происхождение с XIII в. Их сеньории были разбросаны: ядро родовых владений вместе с замком находилось в Нижней Нормандии, имелись также полученные в XVII в. в приданое земли в центральной Франции, в провинции Берри. Кольсон стал заниматься их делами после смерти маркиза, когда вдове потребовался стряпчий для централизованного управления разрозненными землями. В переписке Кольсона не отражено, каким образом ему удалось получить эту работу. Автор предполагает, что сыграло роль родство вдовствующей маркизы с принцем де Конде, на чьих землях располагался родной город Кольсона Варенн, и благодаря этому стряпчий попадал в клиентелу принца¹⁰. Кроме Лонгоне у Кольсона появлялись и временные клиенты. Так, с середины 1770-х гг. он стал вести дела семьи Равари – виноторговцев из северной Бургундии. Автор оценивает его суммарный доход накануне революции примерно

⁷ *Tackett T. The Glory and the Sorrow. P. 52.* У среднестатистического парижского адвоката того времени она составляла около 900 томов. См.: *Bell D. A. Op. cit. P. 21–40.*

⁸ *Tackett T. The Glory and the Sorrow. P. 53, 55.*

⁹ См.: *Chartier R. Les origines culturelles de la Révolution française. P., 1990. P. 226–232.*

¹⁰ *Tackett T. The Glory and the Sorrow. P. 37.*

в 1000 ливров в год¹¹, что явно выделяло его среди живших по соседству ремесленников и лавочников, но было ниже доходов большинства парижских адвокатов того времени¹².

Кольсон добросовестно вел дела своих поручителей-дворян при Старом порядке и продолжал их вести в годы революции. Финансовое положение семьи де Лонгоне было неблагополучным. Чтобы расплатиться с кредиторами, молодой маркиз намеревался продать часть своих земель, чему решительно противился Кольсон, считая такое решение недальновидным и рассчитывая найти какие-то другие средства. Начавшиеся в 1789 г. преобразования принесли новые проблемы. Сеньориальные права были частично отменены, а остальные подлежали выкупу. Однако Кольсон поначалу полагал, что его работодатели не понесут материального ущерба, поскольку отмена сеньориальной юстиции избавит их от необходимости платить судьям и содержать за свой счет местную тюрьму, а выкуп сеньориальных прав крестьянами растянется на десятки лет и будет приносить стабильный хороший доход¹³, но его расчеты не оправдались. Работу Кольсона затрудняла реформа судебной системы Франции. Суды, с которыми он привык иметь дело – Парижский парламент и Шатле, – прекратили существование, а отношения с новыми судебными инстанциями предстояло налаживать и выяснять, в чью компетенцию какие дела теперь входят. Но на протяжении всей революции, несмотря на резкое изменение его политических взглядов, он верно служил семье Лонгоне и в меру сил отстаивал ее интересы, даже в годы террора, когда связи с дворянской семьей сами по себе выглядели подозрительными.

В письмах дореволюционного периода он предстает верноподданным, преисполненным глубочайшего почтения к королю и его супруге. В письме конца октября 1781 г. он основное внимание уделил радостной вести о рождении долгожданного наследника в королевской семье, новости более личного характера отошли на задний план. Участие Франции в войне в Северной Америке было для него только реваншем за унижения и потери, понесенные в результате Семилетней войны. О борьбе американцев за независимость он вообще не упомянул ни разу. «Дело об ожерелье королевы», на его взгляд, нанесло ущерб только репутации кардинала де Рогана; по всей видимости, репутация королевы в глазах Кольсона не пострадала.

¹¹ Ibid. P. 36.

¹² Bell D. A. Op. cit. P. 21–40.

¹³ Tackett T. The Glory and the Sorrow. P. 97.

Начало предреволюционного кризиса Кольсон заметил не сразу. Из его переписки хорошо видно, что о тяжелом положении финансов, порожденном расходами на участие Франции в Войне за независимость Америки, в течение долгих месяцев было известно только ближайшему королевскому окружению, в широкое публичное пространство тревожная информация не просочилась. Когда в начале 1787 г. король созвал первое собрание нотаблей, Кольсон был несказанно этому удивлен и не понимал причин столь экстраординарного события. Похоже, с этого времени его сознание начинает быстро политизироваться: политические новости в его переписке выходят на первый план. Его «политическому просвещению» немало поспособствовали стихийно установившаяся свобода печати, ежедневное тиражирование и распространение памфлетов и брошюр различной направленности, попадавших в поле зрения стряпчего, а также его разговоры с приятелями и соседями.

Во время подъема парламентской оппозиции летом 1788 г. его симпатии верноподданного целиком оставались на стороне короля, а не парламентов¹⁴. При этом ему оказалась близка выраженная во многих памфлетах идея защиты прав третьего сословия. В его письмах появляется новая лексика, не встречавшаяся в них никогда раньше: «свобода», «равенство», «рабство», «тирания», «деспотизм», «права нации», «благо нации»¹⁵. В начале 1789 г. он отправил своему другу в Берри письмо, полное размышлений о настоящем и будущем Франции. Кольсон писал, что подобного кризиса Франция не знала за последние десять столетий, а исход его может как вознести нацию на вершину славы и величия, так и низвергнуть в пучину бедствий и разорений¹⁶. Его отношение к происходившему колебалось, таким образом, между двумя полюсами, характеризующими революционные умонастроения, о которых писал еще Жорж Лефевр: надеждой на прекрасное будущее и страхом перед реальными или мнимыми бедствиями¹⁷. К активному участию в событиях Кольсон пока не был готов. Во время выборов в Генеральные штаты он по зрелом размышлении не пошел на первичное предвыборное собрание, опасаясь большого скопле-

¹⁴ Ibid. P. 69–70.

¹⁵ Ibid. P. 73, 82. Автор в книге обильно цитирует источник, но здесь и далее я не рискую воспроизводить цитаты, так как в книге все они, к сожалению, даны только в переводе на английский язык. Двойной перевод мог бы далеко увести нас от оригинала.

¹⁶ Ibid. P. 77.

¹⁷ Lefebvre G. La Révolution française. P., 1968. P. 137–141.

ния народа и возможных беспорядков. В своем квартале он видел, как живет парижская беднота, сочувствовал ей, но боялся толпы и считал, что ее надо держать в узде.

Когда часть депутатов Генеральных штатов объявила себя Национальным собранием, Кольсон сразу признал их законными представителями французской нации и совершил следующий шаг в своей политической эволюции: начал критиковать короля. Программную речь Людовика XVI перед депутатами 23 июня 1789 г. он гневно обличил как «акт деспотизма». Кольсон при этом полагал, что сам король был преисполнен благих намерений, но излишне подвержен влиянию консервативно настроенных придворных¹⁸. Его отношение к Людовику XVI полностью переменялось после попытки бегства королевской семьи в июне 1791 г., и в письме приятелю в Берри он признался в своем возмущении этим поступком¹⁹. Окончательно же его негативное отношение не только лично к королю, но и к самому институту монархии оформилось после того, как в апреле 1792 г. Франция начала войну против Австрии. Кольсон пришел к выводу, что, когда его революционная родина воюет против монархов Европы, свой монарх доверия не заслуживает. В результате свержение монархии 10 августа 1792 г. стало для него закономерным и оправданным. Сообщая в письме об аресте короля и членов его семьи, он не выказывал им ни малейшего сочувствия. Его негодование вызвало только последовавшее за свержением монархии разрушение статуй, а особенно – осквернение могил французских королей²⁰. Впоследствии, зимой 1792–1793 гг., когда шел суд над свергнутым королем, Кольсон вместе с секцией Ломбардцев, в заседаниях которой он участвовал, поддержал вердикт Конвента о виновности Людовика. Однако в вопросе о наказании Кольсон разошелся во мнении с большинством своей секции, считая, что бывшего короля следует приговорить к тюремному заключению. Смотреть на казнь короля он не пошел.

Как уже видно из упоминания об участии Кольсона в работе одной из парижских секций, бурные события быстро затянули его в свой водоворот, и он стал не только внимательным наблюдателем, но и участником революции. Несмотря на преклонный возраст и проблемы со здоровьем, он вступил в национальную гвардию своего дистрикта. В одном из писем Лемэгру он с упоением

¹⁸ *Tackett T.* The Glory and the Sorrow. P. 85.

¹⁹ *Ibid.* P. 120.

²⁰ *Ibid.* P. 135–137.

описывал детали униформы национального гвардейца, которую ему сшил портной²¹. Для глубоко верующего Кольсона большое значение имела церемония благословения знамен отрядов национальной гвардии, которая прошла сначала по приходским церквям, а завершилась в соборе Нотр-Дам с участием парижского архиепископа. Он с энтузиазмом встретил праздник Федерации 14 июля 1790 г. и в целом ряде писем подробно излагал, как Париж к нему готовится. Правда, на сам праздник он, в конечном счете, так и не пошел: сказалась его обычная нелюбовь к большим скоплениям народа²². Членство в секции Ломбардцев, собиравшейся в приходской церкви Сен-Жак-де-ла-Бушри, и в батальоне национальной гвардии стало важным элементом его самоидентификации. Сообщая в письмах о заседаниях секции Ломбардцев, он неизменно называл ее «наша секция»²³.

По мере вовлечения Кольсона в революционные события менялось его отношение к народной толпе, и он начал оправдывать насилие с ее стороны. Описывая события 14 июля 1789 г., он обличал «варварство» защитников Бастилии и не выказывал никакого смущения по поводу кровавой расправы, учиненной над ними толпой восставших, как и неделю спустя по поводу линчевания государственного советника Ж-Ф. Фулона и парижского интенданта Л. Бертье де Совиньи²⁴. Однако, когда в обстановке возросшей уличной преступности граждане стали организовывать дружины и линчевать пойманных грабителей, Кольсон был шокирован такими действиями и назвал их «варварством»²⁵. Очевидно, в нем проснулся юрист. Могу также предположить, что расправы с уличными грабителями он видел своими глазами, тогда как об июльских линчеваниях 1789 г. ему рассказали, преподнеся свою версию событий.

Сообщая о сентябрьских избиениях 1792 г., он старался найти им если не оправдание, то объяснение, называя две причины: наступление прусской армии на Париж и концентрацию большого числа контрреволюционеров в тюрьмах, что вызвало страх со стороны патриотов. При этом его отношение к происходившему всё же отличалось от настроений, царивших в его родной секции Лом-

²¹ Ibid. P. 98.

²² Ibid. P. 107–108.

²³ Ibid. P. 126.

²⁴ Ibid. P. 90–92.

²⁵ Ibid. P. 112.

бардцев: кровавые расправы над заключенными его ужасали, он не был готов признать их законным наказанием «заговорщиков». В это время Кольсон подумывал даже уехать из Парижа, но его удержали обязательства перед семьей Лонгоне.

Но не всякая народная активность встречала понимание с его стороны. Так, он категорически не одобрил похода парижских женщин на Версаль 5–6 октября 1789 г., выглядевшего в его глазах вопиющим беспорядком. По его мнению, необразованные женщины не могли сами спланировать подобные действия – наверняка за ними стоял «заговор аристократов» с целью дискредитировать революцию и довести ее до анархии²⁶. В провокаторстве он подозревал и чрезмерно радикальных революционеров, подобных Ж.-П. Марату, которого считал в действительности не другом, а «врагом народа»²⁷. Расстрел республиканской демонстрации на Марсовом поле 17 июля 1791 г. был, по его мнению, устроен на иностранные деньги, чтобы дискредитировать революцию. В дальнейшем народные волнения в Париже 1792–1793 гг. из-за дороговизны продовольствия он объяснял подстрекательством со стороны контрреволюционно настроенных «аристократов».

Начиная с лета 1789 г. тема «аристократического заговора» стала одним из лейтмотивов его корреспонденции. Кольсон разделял распространившиеся в это время страхи²⁸ и опасался вторжения иностранных армий. В последнем случае, очевидно, сказались особенности его биографии. Он вырос недалеко от границы Франции с владениями ее давнего противника – австрийских Габсбургов. Из-за этого в его голове прочно засел страх перед возможным вторжением немцев, что проявилось впервые летом 1789 г., а потом неоднократно повторялось. В целом, в любых неодобряемых им действиях, будь то со стороны народа или со стороны властей, он склонен был видеть происки «аристократов», иностранных врагов или тех и других вместе. В его рассуждениях и поведении глубоко укорененное недоверие к народной толпе противоречиво соединялось с вовлеченностью в деятельность простонародной по составу секции Ломбардцев.

Прочно засевшая в сознании Кольсона идея контрреволюционного заговора стала мощным фактором радикализации его поведения. Происками «аристократов» он объяснял не только народные

²⁶ Ibid. P. 115–116.

²⁷ Ibid. P. 118.

²⁸ См.: *Lefebvre G. La Grande peur de 1789. P., 2021 (1932).*

волнения в Париже, но и крестьянское восстание в Вандее, военные поражения французских армий, рост цен на продукты.

После свержения монархии, в ходе противостояния «Горы» и «Жиронды» секция Ломбардцев неизменно поддерживала группировку Робеспьера. Члены секции подозревали жирондистов в измене и требовали их ареста. Кольсон вполне разделял эти умонастроения, и 31 мая – 2 июня 1793 г. парижский стряпчий, которому в тот момент было уже 66 лет, в составе отряда национальной гвардии секции Ломбардцев оказался перед зданием Конвента с требованием арестовать депутатов-жирондистов. Таким образом, за четыре революционных года этот немолодой человек проделал путь от правоверного католика и верноподданного слуги короля до участника государственного переворота, приведшего к власти монтаньяров.

Но с осени 1793 г., по мере усиления террора его сообщения о происходящем в Париже становятся всё более лаконичными – очевидно, его отношение к политике революционных властей стало не таким восторженным, как прежде, и он сознавал, что выражать свое мнение в переписке теперь небезопасно.

Если в политическом отношении Кольсон совершил поворот на 180° от убежденного монархиста до радикального республиканца, то по своим религиозным убеждениям он остался глубоко верующим католиком, хотя характер его религиозности и изменился. Сама его религиозность сыграла свою роль в вовлечение Адриена-Жозефа в революцию. Он регулярно ходил к мессе в приходскую церковь Сен-Жак-де-ла-Бушри, расположенную недалеко от его дома. К этой церкви он явно прикипел душой, и в письме однажды отметил, что здесь самые прекрасные колокола во всём Париже, за исключением разве что собора Нотр-Дам²⁹. Как уже отмечалось, в этой церкви стала собираться секция Ломбардцев, и само место ее заседаний могло повлиять на идейную эволюцию Кольсона, явившись для него связующим звеном между привычной приходской жизнью и новой, секционной активностью.

Религиозные взгляды Кольсона накануне революции характеризует тот факт, что эдикт 1787 г., предоставивший гражданские права протестантам, вызвал его неодобрение: он опасался, как бы протестанты не стали требовать себе всё больших уступок³⁰.

²⁹ *Tackett T.* The Glory and the Sorrow. P. 28.

³⁰ *Ibid.* P. 126–127.

Поворотный момент в эволюции его религиозных убеждений заметен в письме, где он с горячим одобрением пересказывал содержание проповеди, произнесенной аббатом Клодом Фоше в приходской церкви Сен-Жак-де-ла-Бушри в честь погибших участников штурма Бастилии. В ней радикально настроенный аббат в революционном духе интерпретировал Евангелия и слова апостола Павла «К свободе призваны вы, братия»³¹. Кольсон с энтузиазмом воспринял это как возвращение к первоначальным идеалам христианской Церкви. Впоследствии декрет о гражданском устройстве духовенства не вызвал никаких возражений с его стороны. Чтобы понять его позицию, следует иметь в виду, что в данном случае он следовал за священниками своего прихода, которые дружно принесли гражданскую присягу. С осени 1793 г. Кольсон начал датировать свои письма в соответствии с республиканским календарем. Но его готовность принимать революционное вмешательство в церковные дела имела предел: он решительно осуждал нападки на католическую веру со стороны «дехристианизаторов». Так, он с удовлетворением описывал, как жители его квартала воспротивились попыткам сорвать рождественскую мессу в декабре 1792 г., и сообщал, что, несмотря на выходки радикально настроенных безбожников, процессии в дни Троицы и праздника Тела Христова прошли, как положено. Тяжелым ударом для по-прежнему глубоко верующего христианина, каким оставался Кольсон, должно было стать закрытие всех церквей на территории его секции в ноябре 1793 г. Но об этом можно лишь догадываться, так как с осени 1793 г. он опасался доверять корреспонденции свои сокровенные мысли. Перед смертью летом 1797 г. ему пришлось стать очевидцем разрушения его родной приходской церкви Сен-Жак-де-ла-Бушри, конфискованной как национальное имущество. Но об этом он уже не написал.

Новая книга Тимоти Тэкетта представляет двойной интерес. Во-первых, она содержит немало ценной информации о повседневной жизни Парижа 1780-х – 1790-х гг. Во-вторых, – и это главное, – на примере истории одного рядового парижанина она показывает, как возникали и менялись умонастроения жителей революционного города. За, казалось бы, парадоксальным казусом просматриваются общие тенденции динамики коллективных представлений во Франции конца XVIII в. Многие мирные париж-

³¹ Гал. 5, 13.

ские обыватели, отнюдь не воспитанные на идеях Просвещения, вдруг, подобно стряпчему Кольсону, увлеклись политикой, стали охотно участвовать в новых общественных организациях, от безусловной преданности королю постепенно перешли к отрицанию самого института монархии, поддерживали различные политические группировки, а затем разочаровывались в них. Книга, основанная на подробных свидетельствах личного происхождения, помогает понять, как именно это могло происходить.

REFERENCES

- Bell D. A.* Lawyers and Citizens. The Making of a Political Elite in Old Regime France. New-York, 1994.
- Chartier R.* Les origines culturelles de la Révolution française. Paris, 1990.
- Lefebvre G.* La Grande peur de 1789. Paris, 2021.
- Lefebvre G.* La Révolution française. Paris, 1968.
- Tackett T.* Becoming a Revolutionary: The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790). Princeton, 1996.
- Tackett T.* The Glory and the Sorrow: A Parisian and His World in the Age of the French Revolution. New-York, 2021.

Пименова Людмила Александровна

кандидат исторических наук, доцент
исторический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова
119192 г. Москва,
Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4
e-mail: pimenova@hist.msu.ru

Liudmila Pimenova

PhD, Associate Professor
Faculty of History,
Moscow State Lomonosov University
119192 Moscow,
27 Lomonosovsky avenue, housing 4
e-mail: pimenova@hist.msu.ru